

6. Goldstein E.B. Sensation and Perception. Eighth. Edition. / E. B. Goldstein. – Belmont: Wadsworth, Cengage Learning, 2009. – 500 p.
7. Сэпир Э. Язык, раса и культура / Э. Сэпир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 135-194.
8. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И. Г. Рузин. – М., 1995. – 199 с.

ДОВІДКОВО-ЛЕКСИКОГРАФІЧНІ ДЖЕРЕЛА

1. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Zeitungskorpora. – Режим доступу: <http://www.dwds.de>
2. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag., 2002. – 1816 S.
3. Langenscheidt. Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / Neubearbeitung, hg. von Prof. Dr. D. Götz u.a. – Berlin, München: Langenscheidt KG, 2008. – 1308 S.

УДК 352.08

*Шилин А.М., Шилина С.А.
(Брянск, Россия)*

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Автори представляють лінгвокультурологічну інтерпретацію владної особистості за допомогою соціолінгвістичного аналізу управлінського дискурсу. У статті намічені підходи до проблеми комунікації і взаєморозуміння влади та її суб'єкта в процесі управління. Особлива увага приділяється аналізу тексту Послання Президента РФ.

Ключові слова: лінгвокультурологія, мова, культура, управлінський дискурс.

Авторы представляют лингвокультурологическую интерпретацию властной личности с помощью социолингвистического анализа управленческого дискурса. В статье намечены подходы к проблеме коммуникации и взаимопонимания власти и ее субъекта в процессе управления. Особое внимание уделяется анализу текста Послания Президента РФ.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, управленческий дискурс.

The authors show linguistic-cultural interpretation of a power person with the help of sociolinguistic analysis of the management discourses. The authors study the problems of communication and mutual understanding of power and its subject in the process of management. Special attention is paid to the analysis of text of Russian President's message.

Key words: culture-oriented linguistics, language, culture, management discourses.

В эволюции проблемы «Язык и культура» намечилось следующее перспективное направление: лингвострановедение в качестве прикладного аспекта преподавания русского языка как иностранного постепенно уступило место новому антропоцентрически ориентированному направлению - лингвокультурологии [1; 2; 3; 4; 5 и др.].

Лингвокультурология (от лат.: *lingua* - язык, *cultura* - культура, *logos* наука, учение) – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей) [2: 36-37]. Исходя из такого понимания задач новой науки, вполне объясним ее интегративный, многоаспектный характер, где человек рассматривается как языковая личность, а языковое отражение мира интерпретируется через национальное своеобразие.

Во-первых, необходимо четко представлять, как отражается языковая система в сознании изучаемой языковой личности и, во-вторых, как эта личность моделирует в своем сознании и соответственно в текстах окружающий мир, насколько его личное сознание соотносится с сознанием национального лингво-культурного сообщества.

В лингвокультурологии язык рассматривается как система воплощения культурных ценностей в языке. Язык отражает национальную суть языковой и внеязыковой семантики слов. По мнению В.В. Воробьева, «органическая связь «человек (национальная личность) – язык – культура (система материальных и духовных ценностей)» является основой и моделью лингвокультурологического раскрытия содержания каждого из этих составляющих» [3: 99].

Аналогично этим взглядам, В.Н. Телия считает, что главной целью лингвокультурологии является «...выявление «повседневной» культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества на основе описания культурных коннотаций, соотносимых с концептуальным содержанием языковых знаков различных типов и воспроизводимых вместе с ними в процессах употребления языка, и тем самым несущих сведения о совокупной идентичности культурно-языкового самосознания как части общекультурного менталитета социума» [6: 24].

Национальное культурное пространство - это все многообразие знаний русского ментального сообщества этого времени, включающего все индивидуальные и коллективные когнитивные пространства [7: 101]. При этом под коллективным когнитивным пространством целесообразно понимать такую структурированную совокупность знаний и представлений, которой должны обладать все личности, входящие в тот или иной социум [7: 45].

Низшей ступенью является индивидуальное когнитивное пространство - структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность [7: 45]. Индивидуальное + когнитивное пространство базируется на коллективном когнитивном пространстве и когнитивной базе и должно включать в себя пространство всех социумов, в которые он входит.

Далее, когнитивные пространства и когнитивная база формируются когнитивными структурами, представляющими собой содержательную форму кодирования и хранения информации, т.е. это определенные участки когнитивного пространства, неделимая

и нечленимая когнитивная единица, хранящая свернутое знание и/или представление. «Информация, кодируемая и хранимая в виде когнитивных структур, включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке» [7: 47-48]. Особое место в структуре языковой личности занимают знания, языковые и неязыковые, и концепты.

Лексикон человека определяется как система кодов и кодовых операций, а также как средство доступа к единой информационной базе человека – его информационному тезаурусу, т.е. базе знаний, обеспечивающей овладение опытом предшествующих поколений и становление индивида как члена определенного национально-лингво-культурного общества [8: 58].

Для современной науки устоявшимися являются представления об управленческом дискурсе как коммуникативной технологии и особом коммуникативном коде [9; 10]. В качестве кодовых единиц выступают прежде всего слова как номинативные элементы языковой системы, а прагматически важной закодированной информацией следует признавать то приращение в их смысловом содержании, которое производно как от системных языковых оппозиций (например, антонимических, синонимических), так и от характера соединения, расположения слов, а также их частотности в коммуникативных структурах. Одной из важнейших особенностей коммуникативной ситуации, безусловно находящей свое кодовое отражение в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, является ее проекция на социально значимые реалии, например, структурный состав субъектов власти, области адресного применения властных полномочий, политико-экономическую ситуацию и т. д. Рассмотрим данные постулаты на примере одного из вышеназванных Посланий, а именно от 22 декабря 2011 года.

Для успеха репрезентации субъекта власти удачно используется контекстуальное манипулирование семантическим объемом местоимений, что естественно в силу особенностей семантики данной части речи. Так, указанные местоимения присутствуют в трех контекстах. Во-первых, в тех, где речь идет о положительных сторонах деятельности власти, во-вторых, в тех, где отмечаются недостатки, в-третьих, в тех, где говорится о задачах на будущее.

Соответственно этому в первом случае «мы» синонимично совокупности: Я – Президент, ОНИ – различные субъекты власти, ВЫ – граждане России. За счет подобной дистрибуции кодируется прагматическое стремление восприниматься скромным. (Например: «*Мы* успешно преодолели наиболее сложный период экономических потрясений... *Нам* удалось сделать в этих непростых условиях. *Мы* полностью обеспечили реализацию... *Мы* повысили качество народного представительства» [11]).

Во втором случае «мы» связано со вполне законным желанием акцентировать то объективное обстоятельство, что в условиях разделения ветвей и уровней власти ответственность за неудачи лежит не только на субъекте высшей государственной власти но и на все остальных, в том числе и на региональных. Применительно к данной реалии стоит подчеркнуть следующее. Корректными в данном случае номинациями, «обес- субъекченными» в их семантике (типа «регионы», «на местном уровне», «на местах», «каждая территория», «муниципалитеты»), демонстрируется стремление к согласованности властных усилий, равно как и нежелание в программном документе переложить

ответственность за неудачи на кого бы то ни было персонально. (Например: «В ряде территорий, напомню, это поручение еще не выполнено» [11]).

В третьем случае «мы» по своему семантическому объему и прагматическому предназначению с некоторыми поправками близко к тому, что характерно для первого из выделенных нами случаев его употребления. Так, если речь идет о планируемой важной законодательной инициативе, то «мы» относится к субъектам высшего эшелона власти («Мы продолжим работу по улучшению качества судейского корпуса» [11]). Если же речь идет о том, что находится в ведении субъектов регионального и муниципального уровней, то, естественно, изменяется и соотносительность «мы» с субъектом власти. Это совершенно очевидно на фоне такой, например, фразы: «...Также считаю, что главы регионов должны принять программы, необходимые для медико-психологического и педагогического сопровождения семей, которые воспитывают детей-сирот» [11]. Здесь четко противопоставлены субъекты власти за счет прямой номинации (главы регионов) и словесно не выраженного «я», на которое тем не менее указывает личная форма глагола «считаю». Наконец, «мы» применительно к субъектам реализации непростых задач в сложных условиях предполагает актуализацию в его значении семантического компонента «совместно» («Я надеюсь, что мы справимся с новыми вызовами», «И только вместе мы сможем пройти этот нелегкий путь» [11]).

Концепт совокупного единства, необходимого для достижения успехов в общегосударственных делах, включают в себе и метафорические номинации, используемые в Послании. Слова «Россия», «страна» в своем прямом значении соотносятся с понятием «государство», а в переносном – обозначает его граждан. Однако, поскольку слово всегда присутствует в сознании как совокупность его значений, то отмеченные метафорические словоупотребления указанных лексических единиц важны для поддержания целесообразной пафосности. Она важна для нейтрализации как беспристрастности терминов и терминологических сочетаний, так и для «оживления» речевых штампов, без которых канонические дискурсы невозможны.

В качестве промежуточного вывода необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство. Указанные в предыдущем анализе операции и средства кодирования общей прагматической установки дискурса на наиболее эффективное воздействия на адресата и конкретного проявления данной установки на уровне решения частной задачи по созданию положительного имиджа субъекта власти представляют его не «в ипостаси» господства, а в ракурсе генеральной управленческой функции. Потому вполне закономерно, что констатация успехов и декларация намерений выглядит убедительно и демократично.

В рассматриваемом управленческом дискурсе на уровне словесного кодирования подробно перечислены и представлены приоритеты управленческих интенций субъекта государственной власти. Их совокупность составляют как актуальные для текущего момента, так и стратегические ценности. Ориентация в деятельности на общественно одобряемые характеристики социального бытия четко заявлена уже самим перечнем избранных приоритетных задач.

Ключевыми словами идеи единства, ее лейтмотивом, являются местоимения «мы» и «наши» во всех своих формах и смысловых проекциях. Но типичным для Послания словоупотреблением местоимения «мы» является такое, когда оно выступает «как со-

бирательное имя, указывающее на совокупность лиц (в числе которых находится и говорящий), объединенных по какому-либо общему для всех признаку» [12: 534]. Точно так же и «наши» в своем притяжательном значении выражает понятие множественности, актуальное для передачи идеи общности. Например: «Мы должны ... слушать друг друга. У нас все получится» [11].

Таким образом, подводя итог, отметим, что каждая языковая личность является членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, вследствие чего универсальное значение личности нуждается в лингвокультурологическом анализе и объяснении [7: 89], что мы и продемонстрировали на примере одного из фрагментов управленческого дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение – страноведение – культуроведение (Спорные размышления по спорным вопросам) / Прохоров Юрий Евгеньевич / Русский язык за рубежом. – 1990. №3. – С. 76-83.

2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / Воробьев Владимир Васильевич. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

3. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии / Воробьев Владимир Васильевич / Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады российских ученых. – М., 1999. – 531 с. – С. 96-117.

4. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с бышкирскими параллелями) / Хайруллина Райса Ханифовна. – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

5. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / Шаклеин Виктор Михайлович. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.

6. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. Фразеология в контексте культуры / Телия Вероника Николаевна. - М.: Языки русской культуры, 1999.- 116 с.

7. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Яковлева Екатерина Сергеевна/ Русский язык за рубежом. – 1996. - №1-2-3. – С. 47-56.

8. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / Красных Виктория Владимировна – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

9. Шилина С.А. Управленческий дискурс: роль в производстве коммуникативных отношений государства и общества [Текст] // Казанская наука. № 9. 2011. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2011. 276 с. С. 253-255.

10. Шилина С.А. Становление управленческого дискурса в системе властных отношений (репрезентация языковой личности Ивана Грозного): Монография [Текст]. Saarbrücken, Germany: Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr.99, 66123, 2011б. 160 с.

11. Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 года, 13:00. Москва, Кремль. URL: президент.рф/news/14088.

12. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1982.